

Маркен Вердей

Никогда не обижайте котят

Про маленьких и пушистых

Маркен Вердей

Никогда не обижайте котят

«Автор»

2026

Вердей М.

Никогда не обижайте котят / М. Вердей — «Автор», 2026

Он был солдатом. Он вернулся с войны. Он хотел только одного — покоя. Но в серой казарме, среди бумаг и приказов, он начал слышать голос. Голос, который говорил: «Ты не один». Эта книга — о том, как легко потерять себя, если очень сильно захотеть спрятаться от боли. О том, как тепло может стать ловушкой. И о том, что иногда самая страшная тюрьма — это собственный разум, в котором ты пытаешься спастись. Никогда не обижайте котят. Они этого не заслужили.

© Вердей М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие (от автора)	6
ЧАСТЬ I. ЯВЬ	7
Глава I. Утро, которое пахло пылью	7
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Маркен Вердей

Никогда не обижайте котят

ЭПИГРАФ

*В мире, где каждый спешит стать
взрослым, мы забываем одну простую
истину: чтобы остаться человеком,
нужно иногда просто позволить себе
поиграть с котёнком».*

Маркен Вердей

Предисловие (от автора)

Дорогой читатель.

Эта история началась с одной простой истины, которую я понял очень давно, ещё в детстве, когда мир казался мне огромным, тёплым и полным чудес.

Я помню, как сидел на полу в комнате, залитой солнечным светом. За окном шумел двор, где-то лаяла собака, кто-то звал детей домой обедать. А я держал в руках красную шерстяную нитку, и передо мной прыгал маленький серый котёнок. Он ловил эту нитку, запутывался в ней, падал на бок и снова вскакивал, полный неуёмной, радостной энергии. И я смеялся. Смеялся так, как умеют смеяться только дети - легко, беззаботно, не думая ни о чём.

Тогда, в той комнате, я был счастлив. По-настоящему счастлив. Не потому, что у меня было всё, что я хотел. А потому, что рядом был кто-то маленький, тёплый и живой. Кто-то, кто нуждался во мне. Кого я мог защитить.

С годами я понял: это чувство - быть нужным, быть защитником, быть тем, кто не даёт в обиду - и есть самое важное в жизни. Оно делает нас людьми. Оно согревает нас в самые тёмные времена. Оно напоминает нам, что мы не просто винтики в огромной машине, не просто функции, не просто единицы в отчёте. Мы - те, кто способен любить. Те, кто способен чувствовать. Те, кто способен играть с котёнком.

Я написал эту книгу для всех, кто хоть раз в жизни чувствовал себя одиноким. Для всех, кто устал от бесконечной гонки, от давления, от приказов. Для всех, кто забыл, что значит быть просто человеком. Я написал её как напоминание. Как лекарство. Как тёплое одеяло в холодную ночь.

Эта история - о маленьком человеке в большом и жестоком мире. О том, как он находит в себе силы не сломаться. Как он держится за простые вещи - за память, за тепло, за любовь. Как он учится снова смеяться, снова верить, снова чувствовать.

И, конечно же, эта история - о котятах. О тех маленьких, беззащитных существах, которые дарят нам столько радости. Которые смотрят на нас своими огромными глазами и просят так мало - всего лишь немного тепла и заботы.

Пожалуйста, будьте добрее. Берегите тех, кто меньше и слабее вас. И никогда не обижайте котят.

С теплом и надеждой,
Маркен Вердей.

ЧАСТЬ I. ЯВЬ

Глава I. Утро, которое пахло пылью

I

Он проснулся за минуту до сирены.

Это была старая привычка, вьевшаяся в тело глубже, чем армейская муштра, - просыпаться до того, как мир напомним о себе рёвом динамиков. Он лежал на узкой койке, уставившись в потолок, и слушал тишину. Она была густой, этой тишиной, - серой, как утренний свет, сочащийся сквозь грязное окно казармы. В ней плавали пылинки, медленные и важные, как маленькие планеты. В ней пахло машинным маслом, застоявшимся потом и старой шерстью одеял. В ней ещё можно было дышать.

Он знал: через минуту всё изменится. Сирена разорвёт эту тишину, как ножом, и начнётся очередной день - серый, одинаковый, безликий. Но пока - пока он лежал и смотрел на пылинки. И думал о том, что где-то, далеко отсюда, есть мир, где утро пахнет не казармой, а чем-то другим. Чем-то тёплым. Чем-то, что он почти забыл.

Пылинки кружились в луче света. Медленно, лениво, как будто им некуда было спешить. Он следил за одной из них - маленькой, пушистой, - и ему казалось, что если он будет смотреть достаточно внимательно, достаточно долго, то вспомнит что-то важное. Что-то, что он потерял. Что-то, что было у него до того, как мир стал серым и гулким, как эта казарма.

Он не помнил. Память была как старый, засвеченный фотоснимок: контуры ещё угадывались, но лица стёрлись, цвета выцвели, детали потерялись. Он помнил, что было что-то - какое-то тёплое чувство, какой-то светлый образ, - но не мог ухватить его. Как нитку, которая скользит сквозь пальцы.

И тут - на долю секунды, на один удар сердца - пылинки сложились в лицо. Женское. Молодое. С мягкой улыбкой и тёплыми глазами. Оно смотрело на него сверху, и губы его беззвучно шевелились, произнося что-то знакомое.

Он моргнул. Лицо исчезло. Пылинки снова стали просто пылинками.

Он сжал руку в кулак. Разжал. Пылинки кружились.

Сирена взвыла.

II

Он сел на койке, свесив ноги на холодный бетонный пол. Вокруг него, как по команде, зашевелились другие. Тридцать человек - тридцать теней - поднимались, одевались, заправляли койки. Их движения были отточены до автоматизма: штаны, ремень, сапоги, гимнастёрка. Каждое движение - как удар метронома.

Он смотрел на них краем глаза, пока натягивал сапоги. Сосед слева - молодой парень с вечно испуганными глазами - возился с ремнём, и его пальцы дрожали. Сосед справа - пожилой, с лицом, изрезанным морщинами, - двигался медленно, тяжело, как будто каждое движение отнимало у него последние силы. Дальше - ещё один, ещё один, ещё один. Все разные. Все одинаковые.

Никто не говорил. Никто не смотрел друг на друга. Каждый был заперт в своей собственной, маленькой тишине. Они одевались молча, как автоматы, и их молчание было не спокойным, а каким-то мёртвым. Как будто слова давно закончились. Как будто говорить здесь было не принято. Как будто каждое слово могло быть использовано против них.

Он оделся последним. Всегда последним. Не потому, что был медлительным - просто не видел смысла торопиться. Куда спешить? К очередному построению? К очередной стопке бумаг? К очередному дню, который ничем не отличался от предыдущего?

Он натянул сапоги, затянул ремни, провёл рукой по коротко стриженным волосам. Пальцы пахли железом и пылью. Он посмотрел на них - на свои руки. Большие, сильные, с мозолями на ладонях и шрамами на костяшках. Руки, которые умели держать оружие, разбирать механизмы, выполнять приказы. Руки, которые разучились делать что-то другое.

Он помнил, как эти руки когда-то держали что-то другое. Что-то маленькое, тёплое, пушистое. Что-то, что урчало и тёрлось о ладонь. Но воспоминание было смутным, как сон. Он не мог вспомнить, что это было. И от этого внутри становилось пусто.

Он сжал их в кулаки. Разжал. И пошёл к выходу.

III

Коридор казармы был длинным, узким, с низким потолком. Лампы под потолком мигали, как уставшие глаза, и их свет был холодным, мертвенным. Стены были выкрашены в цвет мокрого асфальта, и на них, там и тут, проступали пятна - следы сырости, следы времени, следы чего-то, что он не хотел называть.

Он шёл, глядя под ноги, и слушал, как его шаги отдаются в тишине. Тяжёлые шаги. Как у всех. Он слышал, как за его спиной, в казарме, всё ещё возились те, кто не успел. Слышал, как где-то далеко, за стенами, гудит город - приглушённо, как будто из-под воды. Слышал, как скрипят половицы под его сапогами.

Он не смотрел по сторонам. Незачем. Он знал этот коридор наизусть. Знал каждую трещину на стенах, каждую мигающую лампу, каждую неровность на полу. Он прошёл здесь тысячи раз. И каждый раз это было одно и то же. Один и тот же коридор, одни и те же стены, одни и те же шаги.

Но сегодня что-то было не так.

Он почувствовал это прежде, чем понял. Какое-то лёгкое беспокойство, какое-то смутное ощущение, что мир сдвинулся на миллиметр. Он остановился. Прислушался. Тишина была всё той же. Серой, гулкой. Но в ней было что-то ещё. Что-то, чего не было раньше.

Стены. Они дышали.

Он замер. Посмотрел на стену - серую, бетонную, с пятнами сырости. Она была неподвижна. Но он чувствовал - кожей, костями, чем-то глубинным, - что она дышит. Медленно, тяжело, как огромное, уставшее существо. Вдох. Выдох. Вдох.

Он моргнул. Стена замерла. Стала просто стеной.

«Показалось», - подумал он. И пошёл дальше.

Он поднял голову.

И увидел котёнка.

IV

На подоконнике, в узком прямоугольнике окна, сидел котёнок.

Маленький. Серый, с белой грудкой и огромными, нелепо-взрослыми глазами. Он сидел, свернувшись клубком, и смотрел на него. Просто смотрел. Без страха. Без интереса. Просто - смотрел.

Он замер.

Мир вокруг него вдруг стал другим. Не серым, а каким-то... мягким. Свет из окна - не мертвенным, а тёплым. Пыль на подоконнике - не грязью, а звёздной пылью. И тишина - не давящей, а наполненной. Чем-то живым. Чем-то, что он почти забыл.

Котёнок моргнул. Медленно, лениво. И его хвост - тонкий, как нитка, - дрогнул, обвившись вокруг лап.

- Ты откуда? - прошептал он, и его голос прозвучал странно в этой тишине. Слишком живой. Слишком громкий. Как будто он разучился говорить шёпотом.

Котёнок не ответил. Котёнок просто сидел и смотрел. И в этом взгляде было что-то такое, от чего внутри - глубоко, в самой сердцевине - что-то дрогнуло. Что-то, что он давно считал мёртвым.

Он протянул руку. Медленно, осторожно, как будто боялся спугнуть. Котёнок не отстранился. Наоборот, подался вперёд, ткнулся носом в его палец. Усы щекотнули кожу. И он почувствовал тепло. Слабое, тонкое, но - тепло.

Он стоял так, замерев, с рукой, протянутой к котёнку, и чувствовал, как что-то в нём оттаивает. Медленно. По капле. Как лёд под первыми лучами весеннего солнца. Он не знал, что это. Он не знал, откуда оно. Но оно было. И оно было настоящим.

- Привет, - прошептал он.

Котёнок моргнул. И - он мог бы поклясться - улыбнулся. Если котёнок может улыбаться.

Он осторожно погладил его. Шерсть была мягкой, тёплой, живой. Под пальцами чувствовалось биение - маленькое, быстрое, как часы. Котёнок заурчал. Тихо, едва слышно. Но это урчание заполнило всю тишину. Заполнило его.

- Ты... - он запнулся. - Ты настоящий?

Котёнок моргнул снова. И в этом движении - таком простом, таком человеческом - было больше ответа, чем в любых словах.

Он стоял и гладил котёнка. И мир вокруг него менялся. Стены перестали давить. Свет стал мягче. Пыль - не грязью, а чем-то волшебным. И где-то глубоко внутри - там, где было пусто, - что-то начало расти. Что-то маленькое, тёплое, живое.

А потом сирена взвыла снова - резкая, требовательная, - и котёнок исчез. Просто растворился в воздухе, как будто его и не было. Остался только подоконник, пустой и серый, да лёгкий запах - тёплый, живой, - который тут же унесло сквозняком.

Он опустил руку. Посмотрел на неё. На пальцы, которые только что касались чего-то живого. И почувствовал, как тепло уходит. Утекает, как вода сквозь пальцы.

Он пошёл дальше. К лестнице. К построению. К очередному дню.

Но что-то в нём изменилось. Что-то, что он не мог назвать. Что-то, что осталось с ним - как отпечаток на коже. Как обещание.

V

Лестница оказалась сильнее.

Он не сразу понял, что произошло. Просто в какой-то момент - между третьим и четвёртым этажами - его нога вдруг перестала слушаться. Подошва сапога скользнула по мокрой ступеньке, и он полетел. Не вниз - вперёд. Руки не успели схватиться за перила. Мир качнулся, перевернулся, и он ударился о бетон - коленом, локтем, плечом.

Звук был влажным. Глухим. Как будто кто-то уронил на пол мешок с мокрым песком. А потом - треск. Тонкий, острый, где-то в глубине колена. Как будто там что-то сломалось. Что-то, что должно было оставаться целым.

Боль пришла не сразу. Сначала было только удивление. Он лежал на холодном полу, смотрел в потолок и думал: «Как странно. Я упал. А они идут».

Они шли. Мимо него, по лестнице, вверх и вниз - серый поток людей в одинаковой форме. Их ботинки цокали по ступеням, их лица были пустыми, их взгляды скользили по нему, не задерживаясь. Он был для них просто препятствием. Деталью интерьера. Сломанной ступенькой.

Кровь была тёплой. Он чувствовал, как она сочится сквозь штанину, липнет к коже, собирается в лужицу под коленом. Пахла железом. И ещё чем-то - сладковатым, тошнотворным. Как будто внутри него что-то начало гнить.

Он попытался встать. Ладонь заскользила по влажному от крови бетону - его крови, - и он снова рухнул, ударившись локтем. Боль прострелила руку до плеча. Перед глазами поплыли цветные пятна.

- Помогите... - прохрипел он. Голос прозвучал жалко, беспомощно. Как у ребёнка, который упал и разбил коленку.

Никто не остановился.

Он лежал и смотрел, как мимо него идут люди. Десятки людей. Сотни. Они шли и шли, и их шаги отдавались в его голове, как удары молота. «Тук-тук-тук». Ровно. Безжалостно. Без остановки.

И тогда он увидел котёнка.

Он появился снова. Прямо на перилах, над его головой. Сидел, свесив хвост, и смотрел на него своими огромными глазами. Смотрел так, будто ждал чего-то.

- Ты... - прошептал он. - Ты настоящий?

Котёнок моргнул. И в этом движении - таком простом, таком человеческом - было больше ответа, чем в любых словах.

Он протянул руку - окровавленную, дрожащую - к этому серому комочку. Котёнок не отстранился. Наоборот, подался вперёд, ткнулся носом в его палец. И снова - тепло. Слабое, но живое. Как солнечный луч в холодной комнате.

- Рядовой... - раздался голос сверху.

Он поднял голову. Над ним стоял сержант. Лицо - каменное, глаза - пустые. Но что-то в этом лице было не так. Что-то, чего он не видел раньше. Морщинка между бровей. Едва заметная. Как будто сержант тоже когда-то - давно, в другой жизни - видел котёнка. И теперь - здесь, на этой лестнице, в этой серой казарме - что-то в нём дрогнуло. Что-то, что он давно похоронил.

Взгляд сержанта скользнул по нему, по котёнку, снова по нему. И на долю секунды - на один удар сердца - в его глазах мелькнуло что-то. Не жалость. Не интерес. Что-то более страшное. Узнавание. Как будто он смотрел в зеркало и видел там себя - молодого, наивного, ещё способного чувствовать.

А потом это исчезло. Морщинка разгладилась. Глаза снова стали пустыми. Каменными.

- Здесь не место... для этого, - произнёс сержант, и его голос был ровным, безжизненным. Но на слове «этого» он запнулся. Едва заметно. Как будто это слово - «этого» - царапнуло его изнутри. Как будто оно напомнило ему о чём-то, что он пытался забыть. - Встать. Живо. Сейчас же.

Он попытался. Котёнок исчез - просто растворился в воздухе, как будто его и не было. Тепло ушло, сменившись знакомым холодом. Он поднялся, шатаясь, опираясь на перила, оставляя на них кровавый отпечаток.

- Построение, - сказал сержант, уже отвернувшись. - Через минуту. Опоздавших - на «чистку».

И пошёл вниз.

Он стоял один на лестнице. Кровь всё ещё сочилась из колена. Пятно на штанине расплзалось, как чернильная клякса. Он посмотрел на свою руку. На пальцы, которые только что касались чего-то живого. И почувствовал, как что-то внутри - то самое, что дрогнуло при встрече с котёнком, - сжимается в комок. Прячется. Умирает.

Он вытер руку о штанину и пошёл вниз. К выходу. К построению. К серому потоку, который его не заметил.

Но где-то глубоко, в самой сердцевине кости, ещё жило это тепло. От прикосновения носа котёнка. От взгляда этих огромных, нелепо-взрослых глаз. От чего-то, что он не мог назвать.

«Никогда не обижайте котят».

Он не знал, откуда пришла эта мысль. Но она была. Ясная, звонкая, как камертон. И он нёс её с собой - как тайну. Как оружие. Как обещание, данное когда-то давно, в другой жизни, в другой комнате, где пахло не порохом, а тёплым молоком и солнцем.

VI

Построение проходило на плацу - огромном, сером, бетонном прямоугольнике, окружённом со всех сторон высокими стенами. Небо над ним было низким, свинцовым, и казалось, что оно давит на плечи. Ветер гонял по плацу пыль и обрывки газет.

Он стоял в строю - третьим справа, в шеренге таких же, как он, - и смотрел прямо перед собой. Перед ним был затылок впереди стоящего. Слева - плечо соседа. Справа - ещё одно плечо. Он был частью серой массы, частью механизма, частью системы. И в этом не было ничего нового.

Сержант ходил вдоль строя, заложив руки за спину, и говорил. Его голос - резкий, скрипучий - резал воздух, как нож. Он говорил о долге, о дисциплине, о необходимости быть твёрдым. Он говорил о враге, который не дремлет. О том, что каждый из них - винтик в огромной машине, и что машина не должна останавливаться.

Он слушал. Как всегда. Краем уха. Слова сержанта были знакомы наизусть - он слышал их тысячи раз. Они были как фон. Как гул ветра. Как шум дождя. Они не имели значения.

Но сегодня в его голове звучали другие слова. Тихие, тёплые. «Никогда не обижайте котят». Он не знал, откуда они. Но они были важнее всего, что говорил сержант. Важнее долга. Важнее дисциплины. Важнее системы.

Он сжал кулаки. Разжал. И почувствовал, как в кармане - там, где лежала красная нитка, - что-то шевельнулось. Тепло. Слабое, но живое.

Он улыбнулся. Едва заметно. Уголками губ. Так, чтобы никто не увидел.

VII

После построения - завтрак. Столовая была такой же серой и безликой, как всё остальное. Длинные столы, лавки, алюминиевые миски. В воздухе пахло варёной капустой и мылом.

Он сидел за столом, глядя в свою миску. В ней была серая каша - безвкусная, тёплая, похожая на замазку. Он ел её механически, ложка за ложкой, не чувствуя вкуса. Как всегда.

Рядом с ним сидели другие. Они тоже ели. Молча. Глядя в свои миски. Как всегда.

Он поднял голову. Посмотрел на них. На их лица - усталые, серые, пустые. На их глаза - потухшие, безжизненные. На их руки - грубые, мозолистые, сжимающие ложки.

И подумал: «А ведь когда-то они тоже видели котят. Когда-то они тоже смеялись. Когда-то они тоже были живыми».

Он опустил голову. И продолжил есть.

VIII

После завтрака - работа. Та самая комната, заваленная бумагами. Та самая лампа, мигающая под потолком. Тот же запах пыли и машинного масла.

Он сел за стол. Взял первую папку. Открыл. И начал читать.

Вот - рапорт о потерях. Список имён, дат, мест. «Рядовой Иванов П.С. - убит 12.03. В районе высоты 441». Бумага была тонкой, шершавой, а имя - тяжёлым, как камень. Он водил по нему пальцем, и ему казалось, что за этими буквами стоит человек. Мальчишка с наивными глазами, который не хотел умирать. Который, может быть, тоже когда-то видел котёнка на подоконнике.

Вот - отчёт о применении «Плаща». Номер партии, объём, зона поражения. Сухие цифры. Он знал, что стоит за ними. Видел однажды фотографии: радужное облако, люди, лежащие на земле, скрученные в неестественных позах. И эти цифры были их последним криком, переведённым на язык бюрократии.

Вот - приказ о награждении. Посмертном. «За проявленную доблесть и самопожертвование». И имя. Ещё одно имя. Ещё одна жизнь, сведённая к строчке в документе.

Он читал каждое. Вслух. Шёпотом. Его губы шевелились, произнося чужие имена, даты, обстоятельства. Он пытался удержать их. Запомнить. Сделать так, чтобы хоть один человек в этом мире - он, рядовой, никто - знал, что они были.

Он работал так уже несколько часов. Спина затекла, глаза устали, но он не останавливался. Он не мог остановиться. Это было важно. Это было нужно. Это было единственное, что он мог сделать.

Он взял следующую папку. Открыл. И замер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.